

ШЕКСПИРОВСКИЕ МОТИВЫ

В ДРАМЕ А.С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ»

Сопоставление «Бориса Годунова» А.С. Пушкина с шекспировской драматургией вполне оправдано заявлением автора в набросках к пьесе: «Не смущаемый никаким иным влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов...» [1, С. 248-249]. На близость Шекспиру указывает и широта охвата мировоззренческих проблем в «Борисе», тематика осмысления хода истории и судьбы государственного человека (царя-узурпатора).

Большинство исследователей, соотносивших «Бориса Годунова» с шекспировскими произведениями, как правило, обращали внимание на близость трагедии Пушкина к шекспировским хроникам «Генриху II», «Ричарду III», «Генриху IV» [1,3,4]. В хрониках Шекспира государственные и политические проблемы стояли на первом плане. Они были стержнем драматического действия, им было подчинено раскрытие характеров. И, действительно, именно хроники помогли Пушкину найти собственный по возможности объективный взгляд на историю, осмыслить ее отдельные явления, поступки людей и их последствия, в их причинно-следственных связях. Пушкин мог воспринять у Шекспира, автора хроник, не только широту исторического кругозора, но и интерес к переломным, «смутным» моментам прошлого, а также стремление английского драматурга понять причины беспорядка, «вышедшего из колеи» времени, и увидеть в этом беспорядке следы некой закономерности. Но нельзя забывать и о трагедиях (королей у Шекспира убивают и в «Гамлете» и в «Макбете»). В трагедиях Шекспира, сюжеты которых также были историческими, центр тяжести переносится на характер. В «Борисе», как и в хрониках Шекспира, трагическим субъектом становится государство, переживающее кризис, и как в трагедиях великого англичанина, драматизм сконцентрирован на переживаниях героев, кризисах, происходящих в их душах.

С шекспировскими хрониками «Борис» перекликается, прежде всего, сходностью сюжетных ситуаций. Так, например, сцена 7 из третьего акта

«Ричарда III» внешне напоминает первые сцены трагедии Пушкина. У Шекспира это кульминация действия, когда Глостер, убравший почти все препятствия на пути к престолу, лицемерно тянет время, отказываясь принять царский венец с тем, чтобы после долгих уговоров согласиться:

«Ну, если будете вы так же сильно / Просить, как я отказываться буду, / Все к доброму концу мы приведем» [6, Т.1, С.518].

Нечто подобное происходит и в первых сценах «Бориса». Причем, народ и там и здесь остается равнодушным. На призыв Бекингема кричать вместе с ним: *«Да здравствует король наш Ричард!»*, лондонские горожане отвечают молчанием:

«Помилуй бог, ни слова не сказали, / Как будто камни или истуканы, / И, бледные, глядели друг на друга» [6, Т.1, С.517].

У Пушкина же народ плачет притворными слезами. Народное молчание, знаменитая ремарка «народ безмолвствует», появится лишь в заключительной сцене трагедии, и там оно будет иметь совсем иной смысл. Однако есть здесь и другие отличия. В этом эпизоде Глостер все время находится на сцене, активно участвуя в действии, Бориса же мы впервые встречаем уже после того, как он согласился принять власть. С «хитрой» игре Годунова мы узнаем из реплик других персонажей. Тем более эффектно первое появление Бориса в Кремлевских палатах и его речь, обращенная к патриарху и боярам:

«Ты, отче патриарх, вы все, бояре, / обнажена моя душа пред вами: / Вы видели, что я Приемлю власть Великую со страхом и / смиреньем. / Столь тяжела обязанность моя!» [5,С.197].

Аналогичная диалектика сходства-различия есть и в другом эпизоде. Ситуация, в которой умирающий Борис дает своему юному сыну Феодору последние наставления, отчасти напоминает ситуацию смерти короля Генриха IV и его беседу с принцем Генрихом во второй части «Генриха IV». Оба монарха сетуют, что добыли корону неправым путем. Генрих говорит:

«Известно Богу,/ Каким путем окольным и кривым / Корону добыл я; лишь мне известно,/ С какой тревогой я носил ее./ К тебе она спокойней

перейдет...» [6, Т.4, С. 221].

Борис как бы вторит Генриху:

*«Я подданным рожден, и умереть / Мне подданным во мраке б
надлежало;/ Но я достиг верховной власти... чем?/ Не спрашивай. Довольно:
ты невинен,/ Ты царствовать теперь по праву станешь./ Я, я за все один
отвечу Богу...» [5, С. 271].* Это признание, кстати, перекликается и с хитрыми
увещеваниями Глостера из «Ричарда III», невольно открывающего свою
порочную природу: *«Увы, зачем мне этот груз забот? Не создан я для трона,
для величия» [6, Т.1, С. 523].*

Действительно, оба, и Генрих и Борис, пришли к власти путем царубийства,
вызвавшего смуту, и оба терзаются угрызениями совести. Генрих даже мечтает
совершить крестовый поход в Иерусалим, «ко гробу дельнему Христа», чтобы искупить
свой грех и добиться мира на родине. С другим шекспировским царубийцей Клавдием
(«Гамлет»), который взошел на престол, убив собственного брата, дело обстоит несколько
иначе. Как и Генрих IV, он не главное действующее лицо пьесы, и мы мало знаем о его
внутренней жизни. Тем не менее, Шекспир показывает, что после сцены Мышеловки,
у Клавдия на миг просыпается совесть, и он даже пытается молиться о прощении греха
братоубийства, что и оставившает карающую руку Гамлета. Тут Клавдий отчасти
напоминает Бориса. Но молитва не дается ему:

*«Вот, я подьмлю взор, - Вина отпущена. / Но что скажу я? / «Прости мне
это гнусное убийство?» / Тому не быть, раз я владею всем...» [6, Т.6, С.92].*

И далее:

*«Раскаянье? Оно так много может. / Но что оно тому, кто нераскаян?»
[6.,Т.6, С. 92].*

Мотив раскаяния царя-убийцы, царя-узурпатора больше всего проявляется при
сравнении пьесы Пушкина с «Макбетом». В «Борисе Годунове», как и в «Макбете»,
трагедия героя имеет личное, общественно-политическое и религиозно-космическое
измерение.

Мы не видим Бориса до убийства царевича Дмитрия и не знаем, как замышлялось
это преступление, и были ли у Бориса какие-либо сомнения и колебания. Герой появляется

на сцене в момент венчания на царство. Однако уже в следующей сцене с его участием (Царские Палаты) становится ясно, что убийство царевича-младенца сломало его, окунув, как и Макбета, в стихию зла. Как и в шотландской трагедии Шекспира, чувство вины и страха владеют героем, и ничто не может остудить укоров его совести. Царский венец, добытый путем преступления, не принес ожидаемого счастья:

«Достиг я высшей власти;/ Шестой уж год я царствую спокойно, / Но счастья нет моей душе... / Ни власть, ни жизнь меня не веселят, / Предчувствую небесный гром и горе» [5, С. 207-208].

Как и у Шекспира, преступление разъединило Бориса с людьми, хотя в отличие от Макбета последнего акта его сердце еще не окаменело, и он способен страдать от своей изоляции. Борис по-прежнему любящий отец семейства и не лишенный своеобразного величия монарх, пытающийся заботиться о своих подданных. Но это лишь усложняет его трагедию. Все складывается против царя. Борису нет «отрады» в семейной жизни (умирает сестра, гибнет жених дочери), а все его попытки наладить жизнь в стране и помочь народу оказываются лишь «пустым попеченьем». Народ не принимает его, видя в нем царя-Ирода: *«Нет, нет! Нельзя молиться за царя Ирода – богородица не велит» [5, С. 260].*

В «Макбете» содеянное шотландским таном убийство гостящего в его замке старого короля Дункана, приводит к почти катастрофическим событиям. В соответствии с господствовавшими в елизаветинскую эпоху представлениями о Единой Цепи Бытия, где король стоял на вершине человеческой иерархии, его убийство должно было иметь не только политические и личные, но и религиозно-космические последствия. Само мироздание содрогается от святотатства Макбета – наступает буря, земля «трясется в ознобе» и в «воздухе слышатся: *«Рыданья, смертный сон и голоса, / Пророчившие нам годину бедствий / И смут жестоких...» [6, Т.7, С.36].* Действительно, «когда зло овладевает душой человека, сама природа корчится от мук» [1, С.766]. Воцарившийся в стране тиран-узурпатор заливает кровью всю Шотландию. Макдуф говорит о наступившем лихолетье: *«...что ни день, стон вдов, и крик сирот. / И вопли скорби бьют по лику неба...» [6, Т.7, С. 74].*

Кровавый произвол сидящего на троне тирана ведет к гражданской войне и гибели множества невинных людей, в стране прочно воцарился мрак и хаос. Неизбежностью разгара смуты завершается и «Борис».

В «Борисе Годунове» нет ведьм и призраков, как в «Макбете». Но вертикальная проекция, иррационально-космическое измерение у Пушкина, несомненно, присутствует. Оно проявляет себя по-разному. Это и *«мальчики кровавые в глазах»*, которые видятся терзаемому нечистой совестью Борису. Это и сны, в которых ему *«тринадцать лет сряду»* является *«убитое дитя»*. Это и рассказ слепого монаха о чудесном исцелении у гроба убитого царевича, который так волнует Бориса.

В финалах обеих трагедий пути Шекспира и Пушкина разошлись. Если Шекспир в конце «Макбета» дает зрителям надежду на восстановление попорченного героем порядка (*«Не медлить мы должны с уплатой долга»*, восклицает Малькольм), то Пушкин оставляет финал открытым. Народ безмолвствует, не желая приветствовать Самозванца в качестве нового царя. Надежды на возрождение гармонии в ближайшее время пока нет — впереди еще самый пик смуты.

В целом можно отметить, что общим и у Шекспира и у Пушкина является осмысление психологических и этических проблем трагедий героев в тесной связи с социально-исторической обстановкой, порождающей их. Страсти героев обусловлены всем ходом истории эпохи, не являющейся далеким фоном, а составляющей почву, на которой живут и действуют герои. Мир их личных переживаний связан с миром общественных переживаний. Макбет и Борис стоят на вершине социальной пирамиды, и от совершенных ими грехопадений сотрясается все общественное здание. Вот общий смысловой итог трагедий Шекспира и «Бориса Годунова» Пушкина.

Литература

1. Алексеев М.П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972.
2. Аникст А. Послесловие к «Макбету» / Уильям Шекспир. Полное

собрание сочинений в 8-ми томах. Т.7. М., 1960.

3. Винокур Г.О. Комментарии к «Борису Годунову» А.С. Пушкина. М., 1999.
4. Левин Ю.Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1988.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Т.5. Л., 1978.
6. Шекспир Уильям. Полное собрание сочинений в 8-ми томах, М.1960.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ